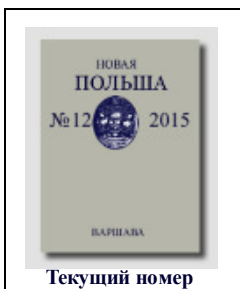

На главную
О «Новой Польше»
Общество
Культура
Литература
Польша-Россия
Обзоры
Письма читателей
Архив
Контакт
Ссылки
Подписка

Последнее обновление:
14 января 2016 г.

INSTYTUT KSIĄŻKI

© POLAND

Издатель журнала
"Новая Польша":
Институт Книги

4 / 2015

АФРИКАНСКАЯ РУСЬ, ДЕКАДЕНТСКАЯ ЕВРОПА И ПОЛЬША

С Виктором Ерофеевым беседует Гжегож Пшебинда

— В второй половине 2014 года в книжных магазинах России можно было увидеть множество книг по русской истории. Вроде бы все понятно. Каждый может найти свое, было ведь и так и сяк, и плохо и хорошо. Но когда я слушаю влиятельных политиков современной России или «геополитиков» типа Александра Дугина и Александра Проханова, то мне кажется, что они говорят в стиле Кириллова из «Бесов» Достоевского. Им «все хорошо». Если кто-то размоэжит голову в отпущение за обиду ребенка, это будет так же хорошо, как если бы этого не делать, точно так же «как если кто-то с голоду умрет, а кто обидит и обесчестит девочку». В этой идеологии Иоанн Грозный хорош, но и митрополит Филипп, убитый этим русским царем, тоже хорош. Сталин — очень хороший, но и царская семья во главе с императором Николаем Вторым, казненная по приказу большевиков, тоже хорошая. Все смешалось в сегодняшней России.

— Люди, которые делают у нас политику, совершенно не обязательно читают книги, где ставится много сложных и критических вопросов по истории. А когда читают, то подбирают те книги, в которых история выстраивается по их схемам. Мы историю создаем в зависимости от режима, нашего мировоззрения, споров и борьбы между идеологиями. Мы очень мало знаем о своей истории, все очень идеологизировано, начиная с Николая Карамзина, который фактически написал историю России под династию Романовых. И дальше тоже все подстраивалось под какую-то систему.

— Но все-таки Карамзин сурово оценивает Ивана Грозного, а сегодня некоторые хотели бы канонизировать этого грозного царя.

— Иван Грозный не принадлежал к роду Романовых, поэтому его еще можно было осудить... Я думаю, что история работает в России на государство, а не государство — на историю. Этатизм, который был когда-то характерен для маленькой части истории Франции, в России превратился в доминанту всего исторического процесса. Государство здесь всегда право, а тот, кто командует государством, тот не только царь, но еще и повелитель истории.

— **Истории как науки о прошлом?**

— Как науки, и вообще, как течения времени. У нас совсем другое представление о времени, чем в Европе, и другое представление об истории. Самый большой конфликт между поляками и русскими видится там, где речь идет об осмыслении истории. Поляки хорошо знают и ценят свою историю. Для поляков очень важно картезианское знание, знание разума. Для русского значение имеет прежде всего «пассионарность», пламенность отношений, зажигательность. Вещи совершенно непередаваемые, а если и переводимые, то непонятные для европейца. Граница между Европой и Востоком проходит по маленькой речке Буг, которую я так много раз переезжал на машине. И я могу сказать совершенно объективно, что там и здесь мышление разное. Мы друг другу дали слишком много интеллектуальных кредитов доверия. Поляки говорили, что за всеми нашими бедами стоит испорченная машина Европы, испорченный механизм, а мы, т.е. наша культура, утверждали перед лицом Европы и Польши, что понятие «смысл жизни» для нас важнее, чем понятие «история».

— **В этом «смысле жизни» есть какая-нибудь человеческая личность?**

— Тут все может быть: и личность, и отсутствие ее. И Бог, и атеизм... Но сама история, как определенная последовательность осмысления событий, она русского человека не очень волнует. Отсюда — весь этот скандал. Вообще, наша история — это скандал. Вы правильно заметили, что Сталина могут любить или не любить. Половина страны его сейчас любит, а половина — не любит. И все эти люди живут вместе, но никакого диалога между ними практически нет.

— **То есть нет одной России, существуют две России?**

— Нет, «Россий» даже больше, «Россий» несколько... Самая большая проблема России в том, что у нас огромная разъединенность людей. По ходу истории, в течение всех этих исторических переворотов получилось так, что мы растеряли большое

количество ценностей. Последние две потери произошли в течение одного века. В 1917 году рухнули классические и во многом органические ценности России, не всегда хорошие, не всегда плохие, но рухнула просто целая стена. А в 1991 году, с распадом Советского Союза, рухнули другие ценности, которые кому-то были интересны, кому-то — нет.

— **Но вы же не плакали после падения Советского Союза?**

— Я не плакал, но я признавал, что эти ценности тоже формировали меня...

— **А какие это были ценности, что вы потеряли?**

— Для меня лично эти ценности носили прежде всего негативный характер, это был псевдосоциализм, псевдогосударство, потому, что за этим фасадом в СССР скрывалось все то же самодержавие, только еще более радикальное.

— **Вы тоже, как Солженицын, жалели, что Украина отделяется?**

— Нет, я не жалел, наоборот, я считал, что это положительное движение. И сейчас тоже так считаю. Я болею за Украину, хочу, чтобы она ушла в Европу, поскольку вижу, что если Украина отойдет от имперской России, то у нас не будет шансов на повторение Советского Союза и империи. Я — человек совсем не имперский, я — антиимперский.

— **А вы надеялись в 1991 году, что Россия пойдет демократическим путем?**

— Была надежда, но у меня в «Энциклопедии русской души» есть такая фраза, очень обидная, что в России надежда умирает первой. И она действительно быстро умерла. Но был когда-то один короткий момент в моей жизни, когда я даже отождествлял себя с государственной системой России. Это было начало Ельцина.

— **А когда ваша надежда умерла?**

— Надежда умерла уже с началом первой чеченской войны. Это была первая смерть надежды, а потом пришла целая череда этих смертей и разочарований.

— **А, раньше, как вы принимали перестройку Горбачева?**

— Ой, это был замечательный период, эмоциональный, это действительно была весна. У меня были связаны руки, я диссидентствовал, что оборачивалось массой неприятностей и для меня, и для семьи. Об этом мой роман «Хороший Сталин». И буквально с осени 1985 года я стал чувствовать, как появляются солнечные лучи, как они согревают мое лицо. Запахло весной... И я помню этот 1988 год, хотя, в общем, в плане экономики и будущего, ничего хорошего не произошло. Просто вдруг оказалось, что вокруг так много свободы. Было такое ощущение свободы, что в воздухе появилось совершенно не русское измерение. Это было счастье какое-то. Я помню, как в мае 1988 года мы хоронили нашего последнего философа, с которым я дружил....

— **Алексея Лосева?**

— Да, Лосева. Я тогда на могиле на Ваганьковском кладбище сказал, что это самый свободный год России за долгие-долгие времена. По-моему, так и было, потому что даже при Ельцине не было уже такой свободы.

— **Я впервые был в Москве осенью 1992 года, я тогда уже неплохо знал русский Париж, встречался там с 1987 года с Натальей Горбаневской, Андреем Синявским, Владимиром Максимовым, Ириной Иловайской-Альберти. Жил я в 1992 на Старом Арбате, рядом со Смоленской площадью. Мы ведь и сегодня, разговаривая в вашей квартире, находимся очень близко от этого места. Когда я выходил на Старый Арбат и смотрел на книги, которые раньше мог привозить в Краков только из Парижа, книги Соловьева, Бердяева и других, мне хотелось кричать от радости.**

— Мне тоже хотелось....

— **Вы говорили о «кредите доверия» для России со стороны Польши. Я это понимаю так, что русские диссиденты, в том числе и вы, радовались, когда поляки, например, Анджей Дравич, Виктор Ворошильский утверждали, что Россия отнюдь не обречена на коммунизм. В 1992 году, мне, ученику Дравича и собеседнику русских эмигрантов в Париже, тоже казалось, что связанные с Россией надежды сбываются прямо на наших глазах. Я верил Солженицыну и считал, что царская Россия и СССР — это две разных структуры, а коммунизм, хотя и победил в России, совсем не был здесь исторической необходимостью, но только одним из вариантов развития событий.**

— Я когда-то назвал Октябрьскую революцию 1917 года закономерной случайностью...

— **Но Горбачев и другие всегда считали, что возврат к демократическим принципам — это осуществление принципов**

ленинизма. Ленин, мол, стремился только к хорошему, а Сталин все это испортил.

— Да, была у нас такая прослойка интеллигенции, которая сейчас уже почти вся вымерла.

— Но сейчас в России, как мне кажется, дело обстоит намного хуже. Власть и мушкетеры часто критикуют Ленина, зато Сталина ставят на пьедестал. Так же думает и немалая часть народа, даже среди писателей сейчас много сталинистов, что в упомянутом 1992 году было почти невозможно. Сталинисты тогда систематически уходили в царство теней, а новые, как нам наивно казалось, не рождались... Сейчас, однако, многие в России говорят, что Ленин разрушил империю, а Сталин ее возродил. Рассуждения в таком духе приводят к выводу, что Ельцин — наследник плохого Ленина, а Путин — наследник хорошего Сталина. Культ Сталина соединяется таким образом с культом империи Романовых, рождается связь между Россией Путина, СССР времен Сталина и царской Россией петербургских времен. Мы в Польше часто рассматриваем это как опасную для нас попытку возрождения российско-советской империи, которая нас уже дважды поработала, а теперь, может быть, захочет сделать это в третий раз.

— Когда в XX веке два раза рухнули миры, то люди остались без ценностей. Без царских и без советских. Каждый в одиночку создавал для себя эти ценности. И сейчас нельзя найти в России двух похожих людей, которые имели бы те же самые ценности. Отсюда эти бесконечные русские разговоры. Потому что нет общей основы. Она разбита, а это дает возможность изображать все, что угодно. Самая большая наша беда — это не проблема власти. Это проблема народа. Политическая незрелость и архаические ценности народа легко поддаются манипуляции на уровне понятий XVII, XVIII и XIX веков. Сейчас идет возрождение скорее не сталинизма, потому что сталинизм тоже трансформировался в определенный миф, идет возрождение самодержавия с его черной сотней и ненавистью к либерализму. Эта ненависть очень четко провоцировалась при Александре III, а фундамент был заложен уже при Николае I. Так что все это еще досоветская матрица.

— Где здесь Сталин?

— Сталин вписывается сюда как бог, национальный русский бог. Грузин как русский бог — это, конечно, парадоксально, но он вписывается в такой расклад. Он неподвластен нашему суду, спас страну от своего учителя, от Ленина, развил ее. Затем вновь спас во время войны и превратил в державу, которой боятся. А желание, чтобы нас боялись, — это очень важная часть архаического сознания. «Чтобы нас боялись, чтобы нас соседи боялись, чтобы мы свое мировоззрение, лучшее, самое лучшее в мире, могли навязывать разным людям... всяким там украинцам, к примеру...»

— «А они нас не боялись в лихие 90-е», да?

— Да, 90-е годы — это тот самый период, когда, по мнению таких вот русских националистов, упала Российская империя.

— Проханов откровенно говорил еще в 2009 году, что будут войны, во время которых Россия должна отвоевать все то, что потеряла после 1991 года. Он напоминает немецкого реваншиста после Первой мировой войны, после Версаля. Все это серьезно или нет?

— Трудно сказать, что у него всерьез, что нет. Мне кажется, однако, что есть в нем какая-то чертовщина от героев Достоевского. Свидригайлов такой.

— Бес или мелкий бес?

— Мелкий, пока у него нет власти. Будет власть, будет — большой. Но его, Проханова, власть тоже боится. Я же говорил, что таких славянофилов, даже мошенников и националистов, власть в России никогда не любила. Она хотела сама быть славянофилом, националистом и даже немножко мошенником. А одиночки, выступающие с инициативами, как, например, Василий Розанов, всегда жаловались, что власть их не любит. Они всегда были такими полудиссидентами. Другое дело, что сейчас власть достигла пика самодержавности, возникло поколение Крыма. Все в стране решает один человек, нет никакой коллегиальности при решении серьезных вопросов. На этом пике взгляды таких националистов, как Проханов, оказываются максимально приближены к идеологии власти. Их слова неожиданно перестали быть просто словами, они наполнились кровью. Дугин призывает убивать радикальных либералов, и Проханов вместе с ним.

— Хороший Сталин и хорошие сталинисты.

— Сталин для них — просто чистый бог, правда, 1937 год они убирают, они игнорируют все, что связано с реальной историей. Они оставляют только то, что связано с величием, с божеством.

— С Победой?

— Конечно, и всем остальным... Эта тема народная, которую только Ортега-и-Гассет позволил себе затронуть в «Бунте масс». Тогда интеллигенция услышала народ, а потом все пропало. Потом, когда пришли либеральные времена, выяснилось, что в сознании народа все перемешалось. Там есть и элементы XVII века, и что-то коммунистическое, и что-то православное. Вот разгадка того, о чем вы говорите! В одной точке все сходится. Эта масса нуждается в лидере. Такую массу мы уже видели в начале XX века, когда она родилась и укрепилась в Черной сотне, которую поддерживал даже царь. То же самое происходит и сейчас. Надо заново посмотреть на эти наши массы с точки зрения книги Ортеги-и-Гассета. Я написал недавно для немцев в «Шпигеле», что за кулисами столкновения России и Украины лежит европейская система ценностей. Она пришла с Запада и дошла до востока Украины и именно здесь вспыхнула эта искра, началась война.

— ***А в России нет таких ценностей?***

— Таких очень, очень мало! Обычно идет какая-то бестолковщина, непонятливость такая. Это критическая масса, чего не видят ни либералы, ни консерваторы, ни коммунисты.

— ***Тогда опять нужна революция сверху?***

— Да, реформа должна прийти сверху, если говорить жестко, то должен прийти такой Петр I, преобразователь. Но такого не предвидится, потому что Путин первый раз за всю русскую историю понял, что надо все «зачищать» под свою смерть. Он поэтому запрещает всякие политические инициативы. Он — очень ловкий тактик.

— ***Страшный пессимизм...***

— К счастью, есть одна спасительная деталь, которая вообще характеризует архаическое сознание. Способность к возрождению самым необычным образом. Поэтому Россия обладает способностью возрождаться в самые неожиданные моменты. Это и сентиментально, и метафизично. Вообще, все это похоже на африканскую деревню, только под снегом, в тайге. Я часто бывал в Африке, когда мой отец был послом Советского Союза в Сенегале. Поэтому я давно с большим интересом отношусь к Африке, и мне кажется, что есть очень много общего между Россией и Африкой, что не должно звучать обидно, потому что этот архаический континент имеет то, что современные народы утратили. Когда Джон Керри говорит Путину, что мы живем в XXI веке и нельзя так поступать, например, с Крымом, то он забывает, что русский народ живет сейчас и в XVII, и в XVIII, и в XIX веке. У нас нет понятия времени. Так же, как в африканской деревне. Зато у них, у африканцев, есть общение с духами и убеждение, что они лучше всех. Когда я разговаривал в Мали с людьми, представляющими духовную культуру Африки, они начинали меня ненавидеть за то, что я, европеец, в состоянии вести с ними разговор. А я говорил не как европеец, а как русский...

— ***Как европеец вы не имели бы права?***

— Да, я не имел бы права, я был бы хуже. Они считают, что европейцы богаты, что у них материальные блага, но при этом европейцы для них — пустые люди, абсолютные роботы. И когда приходит белый человек и начинает говорить на их языке, вникать в их понимание мира, африканцы чувствуют угрозу.

— ***А почему в России люди так думают о себе, за какие заслуги, за Победу?***

— Здесь намешано очень много всего. Вы помните, в «Акимудах» я пишу, что после рождения ребенка его полгода нельзя фотографировать, потому что родители боятся сглаза. И другие подобные истории. В этой книге я рассказываю и о русском бунте. Показываю, куда он может привести. Это, к сожалению, не предпоследний или последний суд, это вечный суд.

— ***Цикл?***

— Да, цикл. Русский народ, который знает истину, как африканские народы, превращается в некое метафизическое коллективное существо. Некоторые обижаются, мол, Ерофеев сравнил русских с африканской деревней, какой ужас! Тут, однако, ничего обидного нет. Так, впрочем, думаю не только я, но и приехавшие сюда европейские послы, у которых есть опыт работы в маленьких африканских странах... Они тоже часто сравнивают африканскую деревню с Россией. К сожалению, Европа этого не понимает. Европа потеряла живую метафизику.

— ***Это мнение русского народа о Европе?***

— Да нет, это также и мое мнение!

— ***Но вы имеете в виду современную Европу?***

— Да, современную. Она живет по инерции. Из поколения в поколение будет все хуже и хуже. Нет ничего нового, что появилось бы вместо старых религиозных философий и представлений. Приходят лишь бюрократы из Брюсселя, интересующиеся только «философией безопасности»: этого нельзя, курить нельзя,

много пить нельзя... Надевайте презервативы и шлемы для безопасности, боритесь с агрессивней. Европа теряет свою привлекательность. Она и раньше ее теряла, но делала это красиво, а сейчас — нет. Она перестает быть привлекательной даже для русских интеллектуалов, потому что не на что опереться. Можно опереться на великие корни Европы, на великий дух Европы, можно опереться и на поляков, на их чувство сопротивления. Но это все в прошлом. Я лично смотрю на Европу с сочувствием, потому что европейская цивилизация мне близка, можно даже сказать, что моя повседневная жизнь связана с европейской семиотикой. То, что европейское — это мое. Но опора находится «там», в «когда-то», то есть в прошлом.

— То есть правы все те русские, которые сегодня так критикуют Европу?

— Нет, они неправильно критикуют Европу, неправильно потому, что эти европейские ценности надо собирать и пытаться каким-то образом заставить их работать... В 90-е годы Россия повернулась к Западу своим европейским лицом: Гайдар, Чубайс, Немцов... И закрыла свое темное азиатское тело. А сейчас, когда все ликуют по поводу присоединения Крыма, эта азиатская часть развернулась.

— В XXI столетии всегда так было, по-азиатски? А Медведев? Связывали ли вы с ним какие-то надежды?

— Да, я связывал. Я тогда пошел против либералов, когда все они говорили, что это ерунда... Я встретился с Медведевым в одной либеральной тусовке, так сказать, однажды пообедал да поужинал, еще до того, как он стал президентом... В маленьком кругу писателей мы могли говорить с ним достаточно откровенно... Я увидел, что это человек вполне либеральных взглядов, это было видно. Он пытался что-то сделать, но...

— Он же начал этот процесс, может быть, еще не десталинизации в умах, но хотя бы официальной критики Сталина.

Он начал не только это. Он инициировал разрушение конструкции ГУЛАГ-а, полиции, которая тоже является частью ГУЛАГ-а, что ему не удалось из-за большого сопротивления, к тому же все знали, что он — временщик, он — только на час.

— Путин как-то не поддерживал его в этих антисталинских высказываниях...

— Путин разделил Сталина пополам. Он его отрицает как человека, который устроил 1937 год...

— То есть отрицает всю внутреннюю политику?

— Да, вообще внутренняя политика Сталина не пользуется симпатией Путина, зато внешняя — принимается полностью. И, к сожалению, это тоже связано с поляками, там много неприятных моментов. Например, муссируется версия, что поляки тоже виноваты в начале Второй мировой войны. Но, в общем, вам это понятно.

— А скажите, нынешний Путин — это другой Путин, чем в начале своего президентства в 2000 году? Или он сразу был таким, как сегодня? Прислушивался ли он когда-нибудь к либеральным советчикам?

— Дело в том, что первые четыре года он был актером. И довольно неплохим актером. Я писал несколько раз довольно резкие статьи о том, что Путина вообще нету, а вместо него есть некая пустая бутылка, в которую можно вливать разные идеологии. В общем, он никогда не был настоящим европейцем, в нем всегда сильно чувствовалось его образование и воспитание в КГБ.

— Это на всю жизнь остается?

— Там было, видимо, и КГБ, и несчастное детство, такое бедное ленинградское детство. А эти комплексы не изживаемы. Он получил очень высокий кредит доверия у Запада, с самого начала своей работы, видимо, из-за того, что работал вместе с Собчаком. И вообще придерживался умеренных взглядов, именно поэтому Ельцин назначил его и.о. президента. Потом начался конфликт Путина с Западом, но он долго был только внутренним, болезненным, но внутренним. И Запад в Путине уже разочаровался, и Путин — в Западе, но все молчали. Скандал произошел только с началом протестного движения здесь.

— В 2011 году?

— Да, вначале была Болотная площадь. Это движение единогласно было принято на Западе. Все его поддерживали: и немцы, и американцы, и французы, и поляки, естественно. Путин понял, что дружба Запада с ним, все эти его поцелуи с Меркель и прочее, — все это фальшь, на самом деле его хотят убрать и поставить на его место кого-нибудь другого. А когда у человека тяжелое детство, он очень сильно реагирует на предательство. Он теряет голову, он считает, что его фактически приговорили к смерти.

— Смерти политической или реальной?

— Он мог повторить судьбу Каддафи.

— В вашей книге «Акимуды» я нашел фрагмент, где говорится, что война начинается в голове. Как вы думаете, что в голове Путина? Он остановился теперь или есть опасность? Крым он уже взял, хотя раньше никто этого и не мог предвидеть.

— Кое-что подозревать можно было сразу. Как только Путин пришел к власти — поменялся ветер. Раньше это был теплый ветер, а с приходом Путина сразу же стал дуть холодный. Мне рассказывали, что в Кремле в 90-е годы все ходили в американское посольство на День независимости, кушать хот-доги и пить пиво. В 2000 году, когда он был на посту всего лишь три-четыре месяца, все собрались, пришли к нему и говорят: «Мы идем в американское посольство». А он так на них посмотрел и ответил: «Это не на-а-а-ш праздник». Такие маленькие замечания уже демонстрировали, что пришли другие ценности. И все, что можно взять, надо брать, потому что там — враги.

— Что будет дальше с Украиной?

— На Украине случилась удивительная вещь. Никто же не подозревал, что украинцы продержатся всю зиму, что Майдан переживет зиму, а зима в Киеве выдалась тогда очень холодная. То, что там случилось, говорит о силе европейских ценностей, о том, что украинцы отстаивали европейские ценности (ценности в классическом виде, а не те, которые сейчас). Украинцев тоже ждет, наверное, какое-то разочарование. Но европейская цивилизация не раз оказывалась в тупике, а потом двигалась дальше. В этом смысле ничего страшного не предвидится. Оказалось, что эти классические европейские ценности столь сильны, что украинцев даже нельзя купить за материальные ценности. Даже за 15 миллиардов долларов, которые Путин обещал Януковичу, — нельзя. Не продается она. А Россия без Украины не может быть империей, не получается. Разговор идет о будущем вообще. Не только Украины, но и России. После того, как случился переворот и майдановцы пришли к власти, Кремль понял, что все теряет. И надо было что-то делать... Они конечно поняли, что это потеря навсегда. Скорее всего, навсегда. И тогда они взяли Крым и очень ловко стали раздувать военный конфликт на востоке. Это довольно жесткая игра, там течет кровь.

— А что будет с Крымом после «воссоединения»?

— Это роскошный кусок земли. В Серебряном веке все туда ездили, русская культура стала более теплой из-за Крыма. Волошин, Ялта Чехова и Горького, Крым Толстого. И царь там жил по четыре месяца. Теперь не знаю, сейчас должна произойти какая-то трансформация Крыма. Это уже совсем другой вопрос. Я думаю, что Украина не согласится на это, но, с другой стороны, Америка уже согласилась с тем, что Крым будет русским. Сейчас разговоры идут о том, что случится с востоком, Луганском, Донецком, которые, как мне кажется, останутся в Украине.

— Что тогда будет с русскими «добровольцами», вождями «Новороссии», типа Борода или Стрелкова, которые уже научились воевать и убивать во имя империи? Когда их принужденно вернут на родину, не захотят ли они и в самой России повоевать немного?

— Так ведь не только они. Я недавно ехал в такси, водитель включил радио «Комсомольская правда», очень реакционное. Я сказал таксисту: «Что вы слушаете, это ведь уже вчерашний день. Путин с Порошенко договаривается». А он: «Как так, а??? Он договаривается с фашистами и бендеровцами?». То есть, они уже настолько далеко запустили пропаганду...

— Обычные люди пошли даже дальше чем власть?

— Да, пошли дальше. Сегодня в аэропорту в Черногории, откуда я только что приехал, я видел очень милых украинцев из Харькова. К ним подошел такой здоровый русский, как говорится, словно из Черной сотни, и спрашивает: «Ну как там изнутри? Вы будете к нам присоединяться, вы отколаетесь от Украины?»... Типа такой русский боевик... А они спокойно отвечают: «Нет, у нас в городе нормально».

— Откуда русские боевики в Черногории?

—Туда же без визы можно. Там полно русских, все там отдыхают. Я был в городе Тиват на Адриатике, при границе с Хорватией, рядом с Дубровником, там аэропорт. А этот «русский боевик» в аэропорту, в черногорском Тивате, подумал, что все украинцы с востока хотят в Россию, что только силой их удерживают в Харькове. Это пропаганда советского типа. Харьковские украинцы, которые так спокойно ему отвечали, мне в чем-то напоминали поляков из 1980 года, которые тоже так спокойно реагировали на брежневскую пропаганду. Все-таки это продвижение ценностей идет с Запада на Восток, а не наоборот. Тут Россия ничего Западу противопоставить не сможет.

— А что ждет Россию в ближайшие два-три года?

— Нельзя ничего предвидеть. То, что Крым отобрали, можно было только виртуально представить. Будущее этой страны нельзя предвидеть. Она стоит на одном человеке. Ясно только, он уже не развернется на Запад, так как Запад потерял к нему доверие.

— **Если Путин останется, то будет ли в Европе холодная война?**

— Будет изоляция. Но он почувствовал угрозу и в самой России. Угрозу, исходящую из правого сектора. Rogozin и другие люди хотели бы дальше толкать поезд в сторону войны, но Путину этого не надо. Поэтому он сейчас будет их потихоньку изолировать. Когда вы пришли, у меня было российское телевидение. Теперь уже начинают приходить, а еще недавно, когда я подписывал письмо против аннексии Крыма, ко мне никто в течение двух месяцев ни с радио, ни с телевидения не приходил. Просто была тишина в телефоне. А в последнее время, после выборов Порошенко, началась...

— **Оттепель?**

— Это не оттепель, это такая микрооттепель. Они поняли, что им нужны какие-то люди, с которыми можно вступить в диалог. Раньше им такие были не нужны, раньше это была армия, которая шла и брала Крым. Может быть, этот пик пройден. Но на востоке Украины еще долго будет течь кровь. Этот процесс не остановить, потому что этим людям с оружием сдаваться невыгодно. И в Россию пустят не всех из них. Там будет беда.

— **А что Россия делает с телами своих людей, которые погибли на востоке Украины?**

— А этого никто не знает. Те, которые погибли в Грузии во время войны в 2008 году, тоже как бы исчезли.

— **Благодарности никакой нет со стороны государства?**

— Это только потом... Здесь считается, что на войне гибнут только враги. Точно такая же тактика была во Второй мировой войне. Власти скрывали все потери, и только после выяснилось, какое огромное количество людей погибло...

— **Давайте перейдем в другую, современную область. Вы верите в то, что проповедовал Солженицын, который утверждал, что в России должны возродиться земства, что люди в регионах сами должны управлять своей судьбой?**

— Я думаю, что-то в этом есть, потому что земство в России — это одно из самых лучших учреждений, которое создало государство. Но я слабо представляю себе, что в XXI веке мы вернемся именно к этой идее. Вот к чему-то похожему... У нас, однако, очень плохое политическое сочинительство, и Путин, скорее, политический тактик, а не стратег. Он вдруг увидел щель, в которую можно было запустить руку, и взял Крым. Тут, кстати, есть разные правды. Мы вот строили с женой два дома в украинском Крыму, в Коктебеле, и я видел, как украинцы очень небрежно относились к своему Крыму... Дороги были плохие... Украина совершенно не считалась с тем, что ей достался роскошный кусок земли. Вообще Крым — это Италия, а если брать южное побережье — это лучше Италии! Я через несколько часов улечу на Капри, там ничуть не лучше, чем в регионе, скажем, Карадага, около Коктебеля.

— **А какая самая большая беда сегодняшней России?**

— В России всегда самая большая беда была с населением... Это очень тяжелый случай! Потому что так долго лишать народ политического воспитания, сдерживать политические инстинкты — это ведет, с одной стороны, к нравственному разложению, потере ценностей, с другой же, к разложению чисто физическому: везде водка, пьянство страшное. Наш народ находится в очень тяжелом состоянии, а власть этим пользуется.

— **Это своего рода оправдание жестокости власти в России? Она нужна, потому что народ такой?**

— Да, они нужны, потому что, например, защищают границы. Ведь нельзя же отдать Кавказ, Курильские острова, пятое, десятое.

— **То есть, они в глубине души презирают русский народ, которым они управляют?**

— Все русские консерваторы презирали народ.

— **Но ведь, если и вы так критически относитесь к русскому народу, то тогда, может быть, прав Путин, держащий все железной рукой?**

— Я так не думаю. Русский народ перед реформой Петра I тоже находился в беспросветном состоянии, но пришел Петр Великий и твердой рукой развернул Россию к Европе. На целых два столетия. Поэтому я не считаю, что если такая беда с народом, то вообще ничего нельзя сделать для России. Тут просто должен прийти Петр I.

— **Не Путин?**

— Путин — совсем не Петр I. Никакой он не царь. Он просто ловкий тактик. Однако вся беда в том, что народ еще более темный, чем Путин. И это актуально даже сейчас, после взятия Крыма, после большого количества кремлевского государственного вранья об Украине. Я скажу страшную вещь: Путин и его команда либеральнее 80%

русского народа. То есть, если организовать совсем свободные выборы, то мы получим таких националистов и таких фашистов!

— ***Вы имеете в виду свободные выборы без фальсификаций?***

— Да, если не брать Москву и Петербург, где, однако, тоже половина населения выступит очень резко, шовинистически. В других местах народ будет выступать жестче, чем Жириновский. Это Черная сотня, у народа очень много от Черной сотни.

— ***И долго еще так будет? Эта стагнация после крымской эйфории надолго?***

— Я думаю, что в далеком будущем, в совсем далекой перспективе, проблема Крыма решится таким же образом, как в Евросоюзе решилась проблема Эльзаса. Какая разница, во Франции он или в Германии? Приезжай и пей там пиво или вино. Но до этого далеко. Россия еще очень далека от реформ.